

РЕНТА: ТРАКТОВКИ И СЛЕДСТВИЯ, СУЩНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВА

АННОТАЦИЯ

В статье на основе анализа представлений классиков политической экономии о земельной ренте и стоимости показано, что сущность обеих основных категорий экономики на сегодняшний день осталась нераскрытой. Вместе с неполной оценкой категории «производительные силы» и заблуждением в определении «земли» как основного средства аграрного производства, неясность представлений о стоимости и ренте обусловила отсталость аграрных и иных наук. Это препятствовало установлению причины застойных явлений в экономическом организме советского государства и привело к реформам, обусловившим распад СССР и регресс экономики с возникновением в России непроизводительных классов.

Однако всемирный кризис в развитии производительных сил в очередной раз подтвердил ограниченные возможности капиталистической системы производства, что определило актуальность дополнительных исследований ренты и стоимости.

Ключевые слова: рента; стоимость; основное средство; механизм почвенного плодородия; аграрная политика; национальная безопасность; управление.

TARKHANOV O.V.

RENT: INTERPRETATION AND EFFECT, ESSENCE AND OUTLOOK

ABSTRACT

The article on the basis of the analysis of the concepts of the classics of political economy on land rent and value, it is shown that the essence of both major categories of the economy to date remains unsolved. Together with the incomplete assessment category of “productive forces” and error in the definition of “land” as the main means of agricultural production, the vagueness of the notions of value and rent has led to the backwardness of the agricultural and other Sciences. This prevented the establishment of a cause of stagnation in the economic body of the Soviet state and led to reforms that led to the collapse of the Soviet Union and regression of the economy with the emergence unproductive classes in Russia. However, the world crisis in the development of the productive forces once again confirmed the limited capacity of the capitalist system of production that determines the relevance of additional research rents and value.

Keywords: income; cost; asset; mechanism of soil fertility; agricultural policy; national security; management.

Наступившее вслед за разрушением СССР разочарование в науке «Политическая экономия», на критическом осмыслении которой в 19 веке возник марксизм, неожиданно сменилось интересом к теории земельной ренты [1, 2, 3, 4].

По сути, исследователи экономического организма вернулись к исходному пункту, в свое время обозначенному Марксом в его, не имеющем аналогов, произведении «Капитал».

Необходимо отметить, что без этого великого труда, в котором весьма добросовестно и на высоком научном уровне проанализированы все важнейшие на тот период работы выдающихся экономистов, разобраться в современных перипетиях экономической мысли о ренте и иных переменных и осложнениях, как представляется, было бы практически невозможно.

Вместе с тем, в «Капитале» имеются теоретические препятствия, обозначенные самим Марксом. Эти препятствия не могли быть преодолены в то время из-за наличия двух, весьма важных обстоятельств.

Одно из них заключалось в возникновении в 19 веке агрохимического направления в аграрном производстве. Другое обстоятельство определялось отсутствием знаний в смежных с политической экономикой отраслях познания. Эти недостающие знания появились в течение с 1866 г. по 1999 г. Стало быть, преодоление обнаруженных Марксом препятствий стало возможным лишь в конце XX века.

В силу изложенного, Маркс в работе над «Капиталом» был вынужден выдвинуть гипотезы, которые не подтвердились в ходе распознавания категорий, связанных с экономическим организмом человеческого общества. Несмотря на это, основные выводы Маркса относительно сущности экономического организма и его развития, блестяще подтвердились всем ходом исторического развития. Главный из них, сформулированный совместно с Энгельсом, относится к установлению причины сменяемости формаций человеческого общества. Эта причина обусловлена наложением ограничения на развитие производительных сил со

стороны исторически складывающихся в человеческом обществе производственных отношений. Поскольку взаимодействие категорий «производительные силы» и «производственные отношения» определяют тип общественно-экономической формации, как способа производства благ (стоимостей), постольку смена формации обозначает переход общества на новую ступень, при которой «производительные силы» получают возможность дальнейшего развития в интересах всех членов человеческого общества.

В излагаемых ниже размышлениях будет использован метод, примененный Марксом: «Противоречия А. Смита важны в том смысле, что они заключают в себе проблемы, которых он, правда, не разрешает, но которые он ставит уже тем, что сам себе противоречит» [5, С. 132]. Лишь после выявления этих проблем появилась возможность их решения с помощью добытых учеными знаний в смежных с экономикой отраслях.

В рукописи, посвященной критике исследований предшественников, Маркс пишет: «Физиократы перенесли исследование о происхождении прибавочной стоимости из сферы обращения в сферу непосредственного производства и этим заложили основу для анализа капиталистического производства. Они совершенно правильно выставляют то фундаментальное положение, что производителен **только такой труд, который создает прибавочную стоимость, т. е. только такой труд, в продукте которого содержится стоимость, превышающая сумму стоимостей, потребленных во время производства этого продукта** (выделено ТОВ). А так как стоимость сырья и материалов дана, а стоимость рабочей силы равна минимуму заработной платы, **то ясно, что эта прибавочная стоимость может состоять только из избытка труда** (выделено ТОВ), отдаваемого рабочим капиталисту сверх того количества труда, которое он получает в виде своей заработной платы. Правда, в такой именно форме прибавочная стоимость еще не выступает у физиократов, так как они еще не свели стоимость вообще к ее простой субстанции: к количеству труда, или рабочему времени» [5, С.14].

Из этого вполне ясного умозаключения Маркса следует:

1. Физиократы доказали фундаментальное положение о том, что природа прибавочной стоимости неотрывна от сферы ее производства;
2. Производителем считается такой труд,

«в продукте которого содержится стоимость, превышающая сумму стоимостей, потребленных во время производства этого продукта»;

3. «прибавочная стоимость может состоять только из избытка труда, отдаваемого рабочим капиталисту сверх того количества труда, которое он получает в виде своей заработной платы»;

4. Маркс указывает, что положение по п.3 «Правда, в такой именно форме прибавочная стоимость еще не выступает у физиократов, так как они еще не свели стоимость вообще к ее простой субстанции: к количеству труда, или рабочему времени».

Проанализируем эти четыре независимых по смыслу суждения.

Первое из них до настоящего времени не опровергнуто в известной экономической литературе. Стало быть, это положение действительно является фундаментальным.

Второе умозаключение также не опровергнуто до наших дней.

Третье умозаключение основано на предположении Маркса о том, что «прибавочная стоимость может состоять только из избытка труда». Это предположение Маркса, в той или иной форме, фигурирует в четвертом томе «Капитала». Но исчерпывающего доказательства о том, что прибавочная стоимость, обозначенная Петти в виде земельной ренты, состоит из избытка труда в «Теории прибавочной стоимости» Маркса (четвертый том «Капитала») обнаружить не удалось.

Четвертое умозаключение связано с тем, что у физиократов прибавочная стоимость не была сведена «к ее простой субстанции: к количеству труда, или рабочему времени». Однако в этом месте Маркс не указывает на источник, в котором бы прибавочная стоимость, включая земельную ренту Петти, была бы однозначно сведена к трудовому эквиваленту. Обоснуем это.

Состояние вопроса о природе земельной ренты изложено Марксом во второй части его книги «Теории прибавочной стоимости». Здесь он подробно анализирует воззрения выдающихся буржуазных экономистов, выявляет в их представлениях допускаемые ими алогичности. При этом в качестве поиска путей по выявлению природы земельной ренты, он пишет: «**Представим себе** такие промышленные капиталы, которые не временно, а по самой природе *своих* сфер производства производят на 10 или 20 или 30% **больше прибавочной стоимости**, [452] чем промышленные капиталы

такой же величины в других сферах производства. **Если бы такие капиталы, говорю я**, были в состоянии, наперекор конкуренции, удержать за собой эту избыточную прибавочную стоимость и сделать невозможным, чтобы она вошла в общий расчет (в распределение), определяющий общую норму прибыли, **то в таком случае в сферах производства**, где действуют эти капиталы, **мы имели бы двух различных получателей дохода**: одного, который получал бы **общую норму прибыли, и другого, который получал бы избыток, присущий исключительно данной сфере** (выделено ТОВ)» [6, 22].

В данном размышлении Маркс четко ведет речь, прежде всего, о промышленных капиталах двух разных сфер. Капиталы одной сферы производят в соответствии с природой своей сферы прибавочной стоимости больше, чем во второй сфере. И если это так, то, по мысли Маркса, капиталисты первой сферы получали бы избыток над общей нормой прибыли, присущей именно этой сфере.

Этот вывод Маркса содержит алогизм. Алогизм заключается в смыслах двух категорий. Первая категория – это «общая норма прибыли». Применительно к обеим группам капиталистов, их «общая норма прибыли», на то она по смыслу и «общая», что не может отличаться ни для одной из двух разных сфер. Но если у двух капиталистов из разных (всего две) сфер «общая норма прибыли», то вполне ясно, что первый из них не может получить «**избытка**» по отношению к другому.

Из приведенных обоснований следует невозможность ситуации с двумя сферами и двумя капиталистами, один из которых получал бы «общую норму прибыли», а второй получал бы меньше этой общей для обеих сфер нормы прибыли. Стало быть, представление о сферах, в одной из которых бы прибавочной стоимости всегда (по Марксу «не временно») производилось бы не в соответствии с «общей нормой прибыли» – есть всего лишь абстрактный прием, не соответствующий реальности.

Но отмеченный алогизм Маркс знает, и поэтому пытается его преодолеть математическим методом – «методом от противного», и продолжает свои рассуждения: «**Этому привилегированному загребателю дохода** каждый капиталист, – чтобы иметь возможность вложить свой капитал в данную сферу, – должен был бы уплачивать, отдавать этот избыток, а для себя самого он, как и всякий другой капиталист, с которым он имеет совершенно одинаковые шансы, удерживал бы общую

норму прибыли» [6, 22].

Не трудно убедиться, что во второй части размышлений, кроме капиталистов двух разных сфер производства, появляется дополнительный участник. Этим участником является «**этот привилегированный загребатель дохода**». И этот факт появления нового персонажа в одной из сфер производства – явно не соответствует условиям рисуемой Марксом картины. Его картина двух разных сфер вполне адекватно описывается двумя участниками (капиталистами). Эти капиталисты, по условиям самого Маркса, имеют «общую норму прибыли». И именно это последнее условие, строго обозначенное самим Марксом, приводит к простейшему разрешению задачи *появления* загребателя. Этот загребатель дохода исключается «общей нормой прибыли», т.е. является излишней фигурой для двух производств с «общей нормой прибыли». Но это вовсе не обозначает, что один из капиталистов, или даже оба вместе, как *производители* некоей нормы прибыли в натуральной или денежной форме, НЕ могут преспокойно либо утопить часть этой «общей нормы прибыли», либо потерять по дороге в ресторан или иное увеселительное заведение, либо просто сжечь, если один из них получил эту «общую норму прибыли» в виде суммы бумажных денег в ситуации галопирующей инфляции. Но самое главное заключается даже не в том, что появляется неожиданный *загребатель*. Главное заключается в том, что этому *загребателю* не на что будет тратить «загретый» им доход, так как оба капиталиста положили в свой карман равные доходы в виде «общей нормы прибыли».

Изложенное так же не учитывается Марксом и он продолжает, заметим, в четвертом томе «Капитала»: «Если бы таково было положение вещей в **земледелии**, то распадение здесь **прибавочной стоимости на прибыль и ренту** отнюдь не являлось бы доказательством того, что труд здесь сам по себе «производительнее» (в смысле производства прибавочной стоимости), чем в обрабатывающей промышленности; не было бы, следовательно, никакого основания приписывать земле какую-либо чудодейственную силу, что, впрочем, **уже само по себе смешно**, так как **стоимость равна труду и прибавочная стоимость, следовательно, никак не может быть равна земле** (Правда, относительная прибавочная стоимость может зависеть от естественного плодородия почвы, однако это никоим образом не могло бы иметь своим следствием *более высокую цену* продуктов земли. Скорее

наоборот.) Не было бы необходимости **прибегать и к теории Рикардо, которая**, будучи сама по себе неприятным образом связана с мальтусовской дрянью, приводит к гнусным выводам и, в частности, **если и не противоречит** теоретически моему учению об относительной прибавочной стоимости, **то практически все же отнимает у него немалую долю его значения»** [6, С. 23].

В этой третьей части размышлений Маркса приведено несколько разных по смыслу фрагментов А, Б, В, Г.

А – «распадение прибавочной стоимости на прибыль и ренту»;

Б – «стоимость равна труду и прибавочная стоимость, следовательно, никак не может быть равна земле»;

В – «Правда, относительная прибавочная стоимость может зависеть от естественного плодородия почвы, однако это никоим образом не могло бы иметь своим следствием *более высокую цену* продуктов земли»;

Г – «Не было бы необходимости **прибегать и к теории Рикардо**»;

Д – «к теории Рикардо, **которая**, будучи сама по себе неприятным образом связана с мальтусовской дрянью, приводит к гнусным выводам и, в частности;

– **если и не противоречит** теоретически моему учению об относительной прибавочной стоимости,

– **то практически все же отнимает у него немалую долю его значения».**

Для анализа приведенных частей весьма важного для осмысления рассуждения Маркса нам придется обратиться к суждениям английского экономиста Уильяма Петти, обозначенного Марксом родоначальником политической экономии капитализма. Петти пишет: «Если он (земледелец – ТОВ) из жатвы вычтет зерно, употребленное им для посева, а равно и все то, что он потребил и отдал другим в обмен на платье и для удовлетворения своих естественных и других потребностей, то остаток хлеба составляет естественную ...ренту»

Именно эту разницу, а она была известна всем исследователям земледелия от Ксенофонта (430 – 354 до н.э.) до Уильяма Петти (1623–1687), называлась на языке того времени либо «истинной земельной рентой», либо «обычной рентой». Измеряться эта рента могла как в зерновых единицах, так и в принятых на то время денежных единицах. Более того, именно о такой ренте размышляли и древние экономисты, и физиократы, доводы о про-

изводительном сельскохозяйственном труде которых были приведены Марксом в первой части четвертого тома «Капитала».

Сопоставляя «истинную земельную ренту» физиократов и Петти с приведенными выше фрагментами А, Б, В, Г рассуждения Маркса, можно понять и его позицию относительно созданного им экономического учения, и причину его затруднений при объяснении ренты в современных ему понятиях, часть из которых были модифицированы самим Марксом применительно к капиталистической стадии производства.

Из этого сопоставления по фрагменту А следует, что между «прибавочной стоимостью» Маркса в производстве сельскохозяйственного продукта, например зерна, и «обычной рентой» Петти нет никакой разницы. Это следует не только из, так сказать, осмысления результатов деятельности земледельца, как такового, но и из определений самого Маркса относительно потребительной и меновой стоимости. Из них следует как натуральный, так и любой эквивалент благ, производимых в сельском хозяйстве или ином производстве. Что же касается терминов «прибыль» и «рента», то это всего лишь дань Маркса обстоятельствам, зафиксированным в исследованиях Смита и Рикардо, в эпоху которых слово «рента» стала отображать не собственно ренту по Петти, а только часть «естественной ренты», названную в последующем «абсолютной рентой». Под прибылью, в данном случае, Маркс имел в виду часть произведенной прибавочной стоимости, на которую мог рассчитывать арендатор земли, под которым при капиталистических производственных отношениях (капитализме) понимается собственно фермер, берущий в аренду земельный участок у собственника земли.

Категория «стоимость» по фрагменту Б, приравненная Марксом к труду – есть результат размышлений Петти, Смита и Рикардо об измеримости производимых в экономическом организме благ (потребительных и меновых стоимостей) количеством труда (рабочим временем) занятых в производстве людей.

Суждение Маркса о том, что следствием равенства между стоимостью и трудом является алогичность равенства прибавочной стоимости и земли (в абстрактном смысле) является недостаточно обоснованным. Этот вывод следует из того, что ни у предшественников Маркса, ни у него самого нет исчерпывающих доказательств о том, что производимые в производстве СТОИМОСТИ изме-

ряются трудом. Известна лишь попытка Маркса обосновать измеримость прибавочной части стоимости прибавочным трудом. Эта попытка изложена в третьем томе «Капитала». Но эта попытка, как обосновано в работе [7], не завершена. Т.е. на период от написания Марксом «Капитала» и до сегодняшнего дня это заключение Маркса не является доказанным. Стало быть, утверждение Маркса о том, что «прибавочная стоимость, следовательно, никак не может быть равна земле» может быть верным только для случая, ЕСЛИ трудовая теория прибавочной стоимости верна. Но Маркс опускает слово «ЕСЛИ», хотя на дату его размышлений он не имел исчерпывающих доказательств о верности трудовой теории стоимости и ее прибавочной части.

Первая часть фрагмента В – есть свидетельство уникальной прозорливости Маркса, который, в отсутствие в его время знаний о механизме почвенного плодородия, полагал возможность зависимости прибавочной стоимости, хотя бы и в относительной ее форме, от естественного плодородия. Сущность такой зависимости обнаружена, а ее обоснование изложено в работе [7]. Но к этому периоду (1999 г. – 2003 г.) были получены теоретические и практические обоснования в виде естественнонаучных знаний, которых до этого не было.

Вторая часть фрагмента В о невозможности «более высокой цены продуктов земледелия» есть следствие уверенности Маркса о том, что количество прибавочного земледельческого продукта, т.е. «истинной земельной ренты» в исследованиях Петти, не может быть больше затрачиваемого на земледелие труда. Но как уже было отмечено выше, это суждение Маркса не является обоснованным.

Во фрагменте Г Маркс имеет в виду положение о том, что Рикардо для устранения противоречий между трудовой теорией стоимости и рентой был вынужден полагать, что никакой абсолютной ренты в природе не должно быть, если производимый в земледелии продукт измеряется затрачиваемым в земледелии трудом. Но это положение Рикардо как бы оправдывало известное положение экономистов, использованное Мальтусом, о неизбежном снижении почвенного плодородия, названное в экономической науке Запада, как Убывающего Почвенного Плодородия Закон (УППЗ). Маркс же полагал, что никакого закона УППЗ и связанного с ним закона Мальтуса (население растет быстрее производства пищи) в природе нет, что и вызвало

его резкое неприятие этой возможности, как «мальтусовской дряни».

Здесь необходимо отметить правоту Маркса, предвидевшего появления обоснования о неверности положения Мальтуса и возможности воспроизводства почвенного плодородия.

Но раз умирает «закон Мальтуса», то, по мнению Маркса, абсолютная рента имеет место быть, хотя бы как следствие сложившихся в капиталистическом способе производства отношений между капиталистом-фермером, собственником земли и сферой обращения. Однако, как будет обосновано ниже, абсолютная рента есть не как следствие отношений при капитализме, а как следствие взаимодействия различных факторов производства. И это следствие – не есть следствие общественное, а есть следствие, вытекающее из сути природных процессов, охватывающих атмосферу, литосферу, гидросферу и солнце.

Обе части фрагмента Д отражают беспокойство Маркса о том, что суждение Рикардо об отсутствии абсолютной ренты может **«практически все же отнять»** у учения Маркса об трудовом характере прибавочной стоимости **«немалую долю его значения»**.

Учитывая представленные обоснования, можно полагать, что Маркс понимал неприятность возможного несоответствия принадлежащего ему суждения о трудовом характере не только производимой в земледелии стоимости, но и ее прибавочной части. Т.е. Маркс отрицал возможность существования абсолютной ренты, измеряемой не трудом, а какими-то иными факторами. Именно в суждении по фрагменту Д лежит глубокое неприятие Марксом возможного появления иной природы прибавочной стоимости, как аналога «естественной ренты». Однако, в четвертом томе «Капитала» доказательств трудового характера стоимости и ее прибавочной части Марксом не приведено.

Вместе с тем, необходимо продолжить анализ суждений Маркса о его версии появления абсолютной ренты в земледелии, перешедшем из феодальной в капиталистическую форму.

Маркс пишет: «У Рикардо вся соль вопроса состоит в следующем: **Земельная рента** (например, в земледелии), там, где – как предполагает Рикардо – обработка земли ведется капиталистически, где налицо имеется *арендатор*, **не может быть чем-либо иным, как только избытком над общей прибылью**. Совершенно безразлично, является

ли то, что получает земельный собственник, действительно этой рентой в буржуазно-экономическом смысле. **Это может быть и простым вычетом из заработной платы** (сравни Ирландию) или **же это отчасти представляет собой вычет из прибыли арендатора** (выделено ТОВ), падающей в этом случае ниже среднего уровня прибыли. Все эти возможные случаи здесь абсолютно безразличны» [6, С.23].

Из этого фрагмента следует, что *земельная рента* и *прибыль* арендатора понимаются Марксом, вслед за Рикардо, как две категории, первая из которых есть не что иное, как плата арендатора собственнику земли. Но такое понимание *земельной ренты* противоречит смыслу земельной ренты, определение которой дал Уильям Петти.

Действительно, у Петти земельная рента есть синоним прибыли, определяемой как разница между собранным зерном 31 (жатвой) издержками 32, приведенными к затратам зерна на производство нового урожая. В понимании же Рикардо и Маркса, *земельная рента* есть всего лишь плата арендатором за пользование земли ее собственнику.

Но такая интерпретация событий явно противоречит пониманию земельной ренты, понятие о которой введено Петти. И для этого, явно противоречивого, случая прибыль арендатора земли как бы становится, в абстрактном смысле, эквивалентом прибыли капиталиста, производящего сугубо промышленную стоимость. А если это так, то подменяется и смысл категории «земельная рента», что подтверждает Маркс: **«Особую характерную форму прибавочной стоимости в буржуазной системе рента образует лишь постольку, поскольку она есть избыток над прибылью (общую).**

Но как это возможно? **Пшеница как товар продается, подобно всякому другому товару, по своей стоимости, т. е. этот товар обменивается на другие товары в соответствии с содержащимся в нем рабочим временем»** [6, С. 23].

Из этих рассуждений Маркса становятся понятными и затруднения Рикардо. Ведь прибыль в любой сфере производства может быть определена только из обмена стоимостей, произведенных в разных сферах. А раз это так, то полученная арендатором земли прибыль ничем не отличается, по мысли Рикардо, от прибыли промышленного капиталиста, т.е. обе прибыли есть абсолютные эквиваленты, измеряемые рабочим временем. А

рабочее время, есть не что иное как эквивалент труда.

Именно в этой мысли Рикардо Маркс усматривает некую алогичность: «{Это – первая неверная предпосылка, искусственно усугубляющая трудность проблемы. **Товары обмениваются по своим стоимостям только в виде исключения.** Их *средние цены*, определяются иначе. Vide supra* (см. выше).} Арендатор, возделывающий пшеницу, получает такую же прибыль, как и все другие капиталисты. **Это доказывает, что он, как и все другие, присваивает себе неоплаченное рабочее время своих рабочих.** Откуда же в таком случае возникает еще и рента? **Она не выражает ничего другого, кроме рабочего времени.** Почему же в земледелии прибавочный труд должен распадаться на прибыль и ренту, тогда как в промышленности он равен лишь прибыли? И как это вообще возможно, если прибыль в земледелии равна прибыли во всякой другой сфере производства? {Неверные представления Рикардо о прибыли и непосредственное смешение ее с прибавочной стоимостью оказываются и здесь вредными. Они затрудняют ему рассмотрение вопроса.}» [6, С. 23 – 24].

Таким образом, Маркс полагает, что обмен стоимостями, произведенными в разных сферах производства, происходит не в эквивалентных прибавочных стоимостях, хотя прибавочные стоимости в разных сферах измеряются соответствующим количеством труда. А раз это так, то применительно к отдельной отрасли прибыль в этой отрасли не является эквивалентом прибавочной стоимости, произведенной в этой же отрасли. Поэтому, как полагает Маркс, смешение категории «прибыль» с категорией «прибавочная стоимость» является ошибкой. А раз это так, то Рикардо, допускающий это смешение, имеет неверное представление о прибыли, что затрудняет ему рассмотрение вопроса о ренте, как плате арендатора земледельцу.

В последующем, Маркс описывает путь, на котором Рикардо, по мнению Маркса, допускает ошибку: **«Рикардо разрешает затруднение тем, что предполагает его в принципе не существующим.** {И это, действительно, единственный способ принципиально разрешить затруднение. Но сделать это можно двояким образом. Либо доказывают, что противоречащие данному принципу явления суть лишь нечто кажущееся, лишь видимость, протекающая из развития самой вещи. Либо же, как это делает Рикардо, затруднение *отбрасывается*

в одном пункте, принимаемом затем за исходный пункт, из которого можно объяснить существование вызывающего затруднение явления в другом пункте.» [6, С. 24].

В подтверждение изложенного Маркс продолжает: «Рикардо предполагает такой случай, **когда капитал арендатора**, подобно капиталу всякого другого капиталиста, **приносит только прибыль** {идет ли речь о не платящей ренты доле капитала отдельной фермы или же о той части земли фермера, которая не платит ренты; следовательно, здесь речь идет вообще о таком вложенном в земледелие **капитале, который не платит ренты**}. Это предположение является даже исходным пунктом для Рикардо, и оно может быть выражено также и следующим образом: Первоначально **капитал арендатора приносит только прибыль** {однако эта *лжеисторическая* форма является здесь чем-то несущественным, и она представляет собой нечто общее для всех буржуазных экономистов при конструировании и других таких же «законов»}, земельной же ренты этот капитал не платит. **Капитал арендатора не отличается от всякого другого капитала, занятого в производстве** (везде выделено ТОВ)» [6, С. 24].

В этой мысли Маркс уличает Рикардо в «лжеисторичности» в том смысле, что при переходе от феодализма к капитализму, арендатор, как новое историческое лицо, изначально должен был уплачивать ренту землевладельцу. Но Рикардо, пишет Маркс, не видит источника ренты, поскольку считает, что капитал арендатора «приносит только прибыль». Поэтому Маркс о ренте, как платежа собственнику земли, пишет: «**Рента появляется только потому, что возрастает спрос на хлеб**, в результате чего, в отличие от других отраслей производства, приходится прибегать к «менее» плодородной почве. **От вздорожания жизненных средств** арендатор (предположенный первоначальный арендатор) страдает так же, как и всякий другой капиталистический предприниматель, поскольку также и арендатор вынужден больше платить своим рабочим» [6, С. 24 – 25].

Из приведенного фрагмента следует, что Маркс считает, что рента, как платеж землевладельцу, возникает не в производстве хлеба, а в сфере обмена, как следствие повышающегося спроса. При этом, поскольку вырос спрос, приходится прибегать к «менее» плодородной почве». И этот вынужденный шаг пока не известных лиц, сопровождается еще и тем, что арендатор «вынужден больше пла-

тить своим рабочим».

Здесь необходимо отметить тот факт, что Маркс, почему-то, оценивает арендатора (капиталиста сферы земледелия), как лицо, склонное к благотворительности, ибо тот как бы «вынужден» идти на ухудшение условий производства хлебного зерна и терпеть рост издержек в виде увеличения зарплаты «своим рабочим». На самом же деле, рост спроса на хлеб определяется ростом цен и на зерно, что никак не ухудшает положение арендатора плодородной земли. Это объясняется весьма прозаично. Прибыль у первоначального арендатора лишь вырастет, что позволяет ему спокойно перенести как повышение цен на покупные изделия для своего постоянного капитала, так и на повышение зарплаты своим рабочим. Стало быть, новые условия производства не дают никаких оснований усматривать источник платежей собственнику земли вне *прибыли* арендатора.

Однако Маркс выдвигает иную версию следствий для арендатора: «Но он выигрывает благодаря тому, что цена его товара поднялась выше стоимости этого последнего» [6, С. 25].

Вполне ясно, что под ценой товара Маркс понимает не что иное, как совокупную прибыль от продажи выращенного урожая.

Что же касается повышения цены (прибыли) над стоимостью, как думает Маркс, то здесь необходимо иметь в виду, что под стоимостью в данном случае Маркс, в соответствии с логикой, имеет дело с двумя сторонами рассматриваемого им объекта «урожай». С одной стороны, этот урожай обходится арендатору затратами в виде совокупности издержек. А с другой стороны, **если** принять трудовую теорию стоимости, то эта стоимость, как произведенный в земледелии урожай, обязана измеряться затраченным на нее трудом.

При этом необходимо учесть, что издержки также сводятся к затратам труда. И если это так, то прибыль арендатора, теперь уже в виде эквивалента денег, полученных результате обмена его зерна в сфере обращения на эквивалентную стоимость товаров иной сферы, никак не может быть выше стоимости его зерна, а в точности должна ей соответствовать. Но это обозначает, что Маркс ошибается, полагая, что у фермера прибыль от продажи урожая превышает стоимость этого урожая. И если констатируемая ошибка в размышлении Маркса имеет место быть, то единственным источником платы арендатора владельцу земли является прибыль арендатора.

Таким образом, Рикардо, который искал ответ о цене аренды, из-за веры в недоказанную им трудовую теорию стоимости, был вынужден прийти к выводу, что именно трудовая теория стоимости приводит к невозможности существования абсолютной ренты.

Но мы уже знаем, что этот вывод Рикардо подвергся критике Маркса, который полагал, что абсолютная рента все-таки существует и ее возникновение диктуется возможным превышением прибыли от реализации зерна над его стоимостью. И если это так, то приходится проследить за ходом рассуждений Маркса, вспомнив, что исходным пунктом его последующих размышлений является именно утверждение Маркса о превышении прибыли арендатора над произведенной в его фермерском хозяйстве стоимостью зерна.

В развитие этого своего предположения Маркс пишет: «Он выигрывает от этого, **во-первых, постольку, поскольку другие товары, входящие в постоянный капитал арендатора, падают в относительной стоимости по сравнению с его товаром**, и арендатор, стало быть, **покупает их по более дешевой** цене; во-вторых, постольку, поскольку он обладает своей прибавочной стоимостью в более дорогом товаре. Таким образом, прибыль этого арендатора поднимается выше средней нормы прибыли, которая, однако, упала» [6, С. 25].

Таким образом, Маркс, кроме версии о превышении у арендатора (он выигрывает!) прибыли над стоимостью произведенного им зерна, вводит еще одну версию, по которой **«другие товары, входящие в постоянный капитал арендатора, падают в относительной стоимости по сравнению с его товаром»**.

В этом месте необходимо указать, что арендатор производит зерно до представления этого зерна в сферу обращения. Поэтому, во-первых, при производстве зерна товары, входившие в его постоянный капитал, просто не могли ни терять, ни повышать свою относительную стоимость. Значит эта мысль Маркса, как, хоть и экстравагантная, но недоказанная, не может приниматься на веру.

Во-вторых, если бы в период выращивания зерна наступила бы засуха, то арендатор вообще не произвел бы никакого зерна и ему было бы незачем и не на что покупать другие товары даже и по более «дешевой цене». Значит, версия Маркса о снижении затрат у арендатора из-за падения относительной стоимости, является недоказанной.

Однако Маркс полагает, что в его размышле-

ниях о превышении прибыли арендатора над стоимостью произведенного зерна алогичности *нет*: «Тогда другой капиталист переходит к худшему участку II, который, при этой меньшей норме прибыли, может доставлять продукт по цене продукта участка I или даже, может быть, несколько дешевле. Как бы то ни было, теперь у нас на участке II снова установилось [453] нормальное отношение, при котором прибавочная стоимость сводится только к прибыли, но зато мы объяснили ренту для участка I, и именно тем, что существует двойная цена производства [Produktionspreis], причем цена производства для II есть вместе с тем рыночная цена для I. Дело обстоит совершенно так же, как и с тем фабричным товаром, который производится при более благоприятных условиях и дает временную сверхприбыль» [6, С. 25].

Здесь необходимо отметить, что Маркс, при объяснении появления ренты, как платежа арендатора за первый участок, говорил о том, что арендатор № 2 берет менее плодородный участок из-за увеличения спроса на хлеб. Теперь же он, упуская это из виду, неожиданно говорит о том, что приведенные им доводы лишь объясняют появление ренты у первого арендатора. Однако введение Марксом нового арендатора второго, менее плодородного, участка опять оставляет неопределенной судьбу появления у второго арендатора ренты, как платежа, предваряющего аренду менее плодородного участка этим вторым арендатором.

Таким образом, вводимое предположение Маркса о возникновении у первого арендатора прибыли, превышающей стоимость реализованного им урожая зерна, является недоказанным. И эта недоказанность не только не облегчается введением увеличивающегося спроса на зерно, но, наоборот, становится еще более запутанной. Запутанность усиливается тем, что возникает дополнительная неопределенность с рентой, которую второй арендатор также должен заплатить собственнику второго менее плодородного участка.

Тем не менее, Маркс продолжает: «Так как повысившаяся цена пшеницы, дающая арендатору I добавочную прибыль, доставляет арендатору II даже не прежнюю норму прибыли, а менее высокую, то ясно, что продукт № II содержит больше стоимости, чем продукт № I, или что он – продукт большего рабочего времени, что в нем содержится большее количество труда; стало быть, для производства того же продукта, например одного квартера пшеницы, требуется большая затрата рабочего

времени [6, С. 25 – 26].

В этом месте необходимо напомнить, что под эквивалентом стоимости, как Рикардо, так и сам Маркс понимали строго одно и то же. Этим эквивалентом являлось количество затраченного труда. Стало быть, уменьшение нормы прибыли у второго арендатора на производство одной и той же единицы зерна никак не может определяться «большей затратой рабочего времени». Это уменьшение нормы прибыли у второго арендатора целиком и полностью определяется тем, что на менее плодородной земле второй арендатор при затрате одного и того же количества труда получает меньшее количество зерна. И именно этот факт поставил Маркса в весьма затруднительное положение, при анализе именно производства зерна [8, С. 346].

Исходя из приведенного напоминания можно утверждать, что мнение Маркса о том, что «ясно, что продукт № II содержит больше стоимости, чем продукт № I, или что он – продукт большего рабочего времени, что в нем содержится большее количество труда;» – является как минимум противоречивым. В то же время, исчерпывающих доказательств трудовой теории стоимости, как и трудовой теории прибавочной стоимости нет не только у классиков буржуазной политической экономии. Исчерпывающих доказательств нет и в работах Маркса, включая источник [8]. Этот источник не просто формальный третий том «Капитала», а центральная часть исследований Маркса под названием «Процесс капиталистического производства, взятый в целом». Именно в этой части гигантского труда на пределе человеческих возможностей с использованием всего накопленного до него знания, Маркс обозначил не преодоленную им, Энгельсом и Каутским, и последующими поколениями экономистов-марксистов проблему выявления сути созидания материального блага, как категории «стоимость». Однако, поскольку размышления Маркса в книге «Теории прибавочной стоимости» написана Марксом до книги «Процесс капиталистического производства, взятый в целом», представляется необходимым продолжить анализ «Теорий...».

Маркс пишет: «Возрастание ренты будет соответствовать этому возрастанию неплодородия земли, или увеличению тех количеств труда, которые необходимо затратить для того, чтобы произвести, например, один квартал пшеницы. Рикардо, разумеется, не стал бы говорить о «возрастании» ренты, если бы увеличилось только число кварта-

ров, с которых уплачивается рента, – для Рикардо рента возрастает в том случае, если возрастает цена того же самого, *одного* квартала, поднимаясь, например, с 30 до 60 шиллингов. Рикардо, правда, забывает подчас о том, что *абсолютная величина ренты, может возрасть при понижении нормы ренты, подобно тому как абсолютная масса прибыли может возрасть при понижении нормы прибыли*» [6, С. 26].

Но, как следует из проведенного анализа предыдущей мысли Маркса, его суждение об абсолютной ренте, как и об абсолютной массе прибыли, не являются доказанными.

Таким образом, Маркс, критикуя Рикардо и иных экономистов за отрицание ренты как имманентного производству явления, сам полагает, что рента является всего лишь как бы передачей части трудовой прибавочной стоимости из сферы промышленного производства в аграрную отрасль. Но такое мнение, во-первых, как показано выше, не является доказанным. А, во-вторых, включает элемент отступления от вклада физиократов в политическую экономию. Действительно, как признал Маркс, именно физиократы обозначили сферу производства, как единственный источник производимых благ. В случае же с абсолютной земельной рентой по Марксу следует, что земельная рента как бы, хотя и имеет место быть, но создается не в производстве, связанном с сельским хозяйством, а во всех остальных сферах вместе взятых, ибо зерном «питаются» рабочие всех остальных сфер. Но если согласиться с мнением Маркса, то получается что земельная рента, как очевидное и опосредованное с помощью сферы обращения товаров благо без этой сферы существовать не может, а, значит, имеет свойство дуализма. Т.е. абсолютная земельная рента есть, но без сферы обращения она как бы недоступна для собственника арендуемой земли.

Этот дуализм вполне разрушается тем, что задолго до капиталистических отношений плата собственникам земель имела место быть. И эта плата передавалась и арендаторами древности, и целыми народностями, находящимися под властью завоевателей, как, например, в древней Греции. И эта, так сказать арендная плата, как одна из форм земельной ренты, передавалась производителями продуктов питания в виде части произведенной продукции.

Из представленного анализа суждений Маркса пока становится ясным, что Маркс не доказал трудовой характер абсолютной ренты. Невозможно

согласиться и с мнением Маркса о том, что источником земельной ренты является промышленная сфера производства, предприятия которой через сферу обращения передают часть своей прибыли арендаторам земли. Однако в размышлениях Маркса есть весьма важная составляющая, которая не отрицает самого факта возникновения ренты-платежа, не как вычета из дохода, а как продукта производства, опосредованно переходящего в денежную форму.

Но Маркс, вероятно, и сам понимает недостаточность приведенных обоснований относительно механизма источника ренты. Поэтому он продолжает: «У Рикардо исследование вопроса затрудняется двумя ошибочными предположениями. {Рикардо, правда, не является тем, кто открыл теорию ренты. Уэст и Мальтус опубликовали свои работы по теории ренты до него. Но источник – это Андерсон. Что, однако, отличает Рикардо (хотя и у Уэста не совсем отсутствует понимание действительной связи), так это – взаимосвязь между его теорией земельной ренты и его теорией стоимости. Мальтус, как показывает его позднейшая полемика с Рикардо по вопросу о земельной ренте, даже не понял заимствованной им у Андерсона теории.} Если исходить из правильного принципа, что стоимость товаров определяется необходимым для их производства рабочим временем (и что стоимость вообще есть не что иное, как овеществленное общественное рабочее время), то напрашивается тот вывод, что средняя цена товаров определяется необходимым для их производства рабочим временем» [6, С. 26 – 27].

Из этого фрагмента следует, что Маркс как бы готов был бы признать то положение, что даже «средняя цена товаров определяется необходимым для их производства рабочим временем». Однако далее Маркс обозначает свое мнение насчет этого допущения: «Этот вывод был бы верен, если бы было доказано, что средняя цена равна стоимости. Но я доказываю как раз обратное: именно потому, что стоимость товаров определяется рабочим временем, **средняя цена товаров** (исключая тот единственный случай, когда, так сказать, индивидуальная норма прибыли в какой-нибудь отдельной сфере производства, **т. е. прибыль**, определяемая прибавочной стоимостью, произведенной в самой этой сфере производства, равна средней норме прибыли совокупного капитала) **никогда не может быть равна их стоимости**, хотя это определение средней цены является лишь производным от стои-

мости, определяемой рабочим временем» [6, С. 27].

Не трудно убедиться, что в этом фрагменте Маркс делает упор на невозможность равенства между средней ценой товаров и их стоимостью. Насколько Маркс уверен в своей правоте, следует из его последующих разъяснений о нескольких видах товаров: «Правда, оставалось бы еще объяснить, почему такого рода явление имеет место в некоторой особой сфере производства в отличие от других сфер производства. Но разрешение проблемы было бы уже весьма облегчено. Товар, приносящий ренту, отличался бы этим от всех остальных товаров. У одной части этих остальных товаров их средняя цена стоит выше их имманентной стоимости, но лишь настолько, насколько это необходимо для того, чтобы их норма прибыли поднялась до общей нормы прибыли; у другой части остальных товаров их средняя цена стоит ниже их имманентной стоимости, но лишь настолько, насколько это необходимо, чтобы понизить их норму прибыли до общей нормы прибыли; наконец, у третьей части этих остальных товаров их средняя цена равна их имманентной стоимости, но только потому, что эти товары дают общую норму прибыли, когда они продаются по своей имманентной стоимости» [6, С. 28].

Но даже после этих сопоставлений между товарами нескольких сфер, Маркс вводит достаточно шаткий аргумент в виде утверждения: **Товар, приносящий земельную ренту, отличается от всех этих трех случаев**. При всех обстоятельствах цена, по которой он продается, такова, что он приносит прибыль большую, чем средняя, определяемая общей нормой прибыли на капитал» [6, С. 28].

Шаткость этого аргумента очевидна. Без выявления не опровергаемых обстоятельств, приводящих к большей прибыли в земледелии – ссылка в виде «цена, по которой он продается, такова, что он приносит прибыль большую, чем средняя, определяемая общей нормой прибыли на капитал» есть всего лишь ничем не доказанное утверждение без расшифровки причин превышения цены над стоимостью.

Отмеченную недоказанность Маркс подтверждает своим выводом: «Речь идет, следовательно, о том, как это возможно, что арендатор, вкладывающий капитал в эту сферу производства, продает свой товар по таким ценам, что товар этот приносит ему обычную прибыль и вместе с тем дает ему возможность уплачивать третьему лицу, земельному собственнику, реализованный избыток

прибавочной стоимости товаров *над* этой прибылью. [455] Сформулированная таким образом проблема сама собой приводит к своему собственному разрешению» [6, С. 30].

Путь этого разрешения проблемы Маркс обозначает довольно ясно: «Дело обстоит совсем просто: *частная собственность* определенных лиц на землю, рудники, воды и т. д. дает этим лицам возможность подхватывать, захватывать, перехватывать содержащийся в товарах этой особой сферы производства, этой особой сферы приложения капитала, *избыток прибавочной стоимости над прибылью* (средней прибылью, прибылью, определяемой общей нормой прибыли) и препятствовать тому, чтобы этот избыток вошел в тот общий процесс, посредством которого образуется общая норма прибыли. Часть этой прибавочной стоимости захватывается даже во всяком промышленном предприятии, так как за используемый земельный участок (отведенный под фабричное здание и т. д., под работный дом и т. д.) везде уплачивается рента, – ведь даже там, где располагать землей можно совершенно свободно, фабрики строятся только в местностях, уже более или менее густонаселенных и богатых путями сообщения» [6, С. 30].

В этом размышлении Маркса пока нет установления сущности процесса образования ренты. Это суждение отражает лишь очевидный для капитализма факт – *частная собственность* как бы на законных основаниях позволяет собственнику земли захватывать избыток прибавочной стоимости. При этом Маркс, как и несколько ранее, вновь утверждает, что прикармливаемый собственниками избыток – есть *избыток* над «прибылью (средней прибылью, прибылью, определяемой общей нормой прибыли), что позволяет собственникам препятствовать тому, чтобы этот избыток вошел в тот общий процесс, посредством которого образуется общая норма прибыли». Но если ранее Маркс говорил, что *избыток* у арендатора есть как бы избыток над средней прибылью, то теперь Маркс явно распространяет базу сопоставления и на «прибыль, определяемую общей нормой прибыли». Этим Маркс допускает очевидное противоречие с ранее им высказанным предположением о том, что *избыток* у арендатора как бы передается ему из других отраслей производства. Противоречие объясняется тем, что общая норма прибыли в рамках трудовой теории стоимости, всегда измеряется только вложенным в эту общую норму трудом. А раз так, то прибыль арендатора земли

никак не может быть больше прибыли капиталиста из другой отрасли производства. Но из этого *факта* с точностью до молекул стоимости следует, что рента, как платеж землевладельцу, образуется именно в процессе выращивания урожая.

Таким образом, в приведенном фрагменте размышлений Маркса отмеченное противоречие пока не устранено.

Далее Маркс от сопоставления товаров разных отраслей, включая земледелие, в одной стране, переходит к сопоставлению отраслей производства в разных странах и вновь приходит к констатации: «*Избыток прибавочной стоимости над средней прибылью* означает, следовательно, что в товаре (в его цене или в той части его цены, которая состоит из прибавочной стоимости) содержится большее количество неоплаченного труда, чем то, которое образует среднюю прибыль и которое, стало быть, в средней цене товаров *составляет избыток цены товара над издержками его производства*» [6, С. 33].

Здесь необходимо вновь отметить, что такой избыток возможно и есть, но прежде чем об этом говорить, этот феномен необходимо обосновать. И тут мы снова встречаемся с тем, что такое превышение Маркс вновь обосновывает не сутью производства, а тем же самым предположением: «Что же заставляет отдельного капиталиста продавать, например, свой товар по средней цене? (Эта средняя цена *навязывается* капиталисту как нечто уже сложившееся, это отнюдь не является его свободным действием: капиталист предпочел бы продавать свой товар *выше* его стоимости.) Итак, что заставляет капиталиста продавать по такой цене, которая приносит ему только среднюю прибыль и при которой он реализует меньше неоплаченного труда, чем фактически содержится в его собственном товаре? – К этому его принуждает давление других капиталов, осуществляемое посредством конкуренции» [6, С. 34].

Вполне ясно, что слово «давление» – всего лишь предположенная Марксом абстракция, когда промышленный капиталист вынужден продавать свой товар ниже средней цены якобы по принуждению других капиталистов, так же продающих свои промышленные товары ниже издержек в виду наличия конкуренции. Но, несмотря на это, производитель зерна получает за свой зерновой товар прибыли больше, чем стоимость зернового товара. Т.е., Маркс снова возвращается к схеме перетока части прибавочной трудовой стоимости из сферы

промышленности в сферу производства аграрного продукта. Но, как уже отмечалось ранее, такой переток противоречит самому факту обмена товаров в сфере обращения на принципах эквивалентности обмениваемых товаров.

Однако Маркс, несмотря на очевидное противоречие, настаивает: «Этим путем земельная собственность становится ассигновкой на неоплаченный труд, на даровой труд, такой же ассигновкой, какой является и капитал. И подобно тому, как в капитале овеществленный труд рабочего выступает как господствующая над рабочим сила, точно также в земельной собственности то обстоятельство, что она дает своему собственнику возможность отнимать у капиталиста часть неоплаченного труда, принимает такой вид, будто земельная собственность есть источник стоимости» [6, С. 36].

Не трудно убедиться, что размышления Маркса вновь вводят решение проблемы созидания стоимости из области производства в область титула и отношений в сфере обмена, на который накладывается институт частной собственности на землю, как отрицательное явление, продолжающее жить в переходном периоде от феодализма к капитализму.

На 2016 год переходный период давно закончился. Но и в развитых странах капитализма, как и в современных странах социализма (Китай, Вьетнам, Северная Корея, Куба, Белоруссия) вопрос об источнике прибавочной стоимости и обмене в экономической литературе не разрешен. И это несмотря на то, что Россия уже более двадцати лет как по совету бывших марксистов-экономистов строит капитализм, но вместо роста благополучия граждан, все больше сталкивается с проблемами экономического порядка именно в аграрной отрасли. И в этой отрасли в странах развитого капитализма также не наблюдается роста рентабельности сельскохозяйственного производства. Наоборот, капиталистическое сельское хозяйство все больше требует от государства помощи в виде дотаций. Этот факт является весомым обоснованием иждивенческой роли частной собственности на землю, описанной Марксом сто пятьдесят лет тому назад: «капиталист рассматривает земельного собственника просто как излишний и вредный нарост, как сибаритствующего паразита капиталистического производства, как вошь, гнездящуюся в его, капиталиста, шкуре.» [6, С. 360].

Учитывая отсутствие в книге «Теории прибавочной стоимости» Маркса исчерпывающих

обоснований об источнике абсолютной ренты предположим, что этот источник не установлен в 4 томе «Капитала» по причине написания Марксом «Теорий...» в качестве критики буржуазных теорий стоимости. Скорее всего, Маркс должен был бы раскрыть источник ренты и прибавочной стоимости в третьем томе «Капитала», названном «Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом». Эта книга была написана Марксом до 1867 г., но была отредактирована и издана Энгельсом лишь в 1893 г.

В главе XLVIII «Триединая формула» относительно производимой пшеницы, как сельскохозяйственного продукта, Маркс пишет: «Поскольку в пшенице представлена стоимость, **пшеница рассматривается лишь как определенное количество овеществленного общественного труда** (Выделено ТОВ), совершенно независимо от особого вещества, в котором представлен этот труд, или от особой потребительной стоимости этого вещества. Это не противоречит тому, что 1) при прочих равных условиях дешевизна или дороговизна пшеницы зависит от производительности земли. **Производительность сельскохозяйственного труда связана с природными условиями, и в зависимости от производительности последних одно и то же количество труда бывает представлено в большем или меньшем количестве продуктов, потребительных стоимостей** (Выделено ТОВ). Как велико количество труда, представленное в одном шеффеле, это зависит от того, какое количество шеффелей доставляется данным количеством труда. **От производительности земли здесь зависит, в каких количествах продукта представлена стоимость; но эта стоимость дана независимо от такого распределения** (Выделено ТОВ). Стоимость представлена в потребительной стоимости; а потребительная стоимость есть условие созидания стоимости; но глупо делать противопоставление там, где на одной стороне стоит потребительная стоимость, земля, а на другой стороне – стоимость, и притом еще особая часть стоимости. 2) {Здесь рукопись обрывается.}» [8, С. 346].

Не трудно убедиться, что как и ранее, размышления Маркса опираются на как установленное и не подлежащее сомнению положение о том, что пшеница, как и всякая иная стоимость, произведенная в экономическом организме, рассматривается Марксом «**лишь как определенное количество овеществленного общественного труда**».

Однако вместо обоснования этого положения,

Маркс утверждает, «что 1) при прочих равных условиях дешевизна или дороговизна пшеницы зависит от производительности земли. **Производительность земледельческого труда связана с природными условиями, и в зависимости от производительности последних одно и то же количество труда бывает представлено в большем или меньшем количестве продуктов, потребительных стоимостей**».

Как и ранее, в этом фрагменте утверждение о том, что одинаковый труд приносит разное количество потребительных стоимостей, – входит в противоречие с трудовой теорией стоимости, по которой стоимость измеряется затраченным на ее производство трудом. По сути, сам Маркс уже вплотную приблизился к разгадке противоречия, указав на связь количества произведенной стоимости с производительностью «природных условий». Но слишком велика в Марксе уверенность в правильности трудовой теории, и он продолжает: **«От производительности земли здесь зависит, в каких количествах продукта представлена стоимость; но эта стоимость дана независимо от такого распределения»**. Однако «независимость...» Марксом не доказана. Об этом свидетельствует цифра «2)», за которой рукой Энгельса дано пояснение о том, что рукопись обрывается.

Изложенного, с учетом последовательности во времени написания Марксом отдельных частей «Капитала» (вначале написана рукопись 4 тома, а затем, рукопись 3 тома), позволяет утверждать, что в «Капитале», как и во всей экономической литературе на сегодняшний день трудовая теория стоимости исчерпывающе не доказана.

С другой стороны, не принята и иная какая-либо теория. Но если это так, то исследование соотношения ТРУД – СТОИМОСТЬ является актуальным. Поскольку, в сфере обмена разные стоимости (товары) все-таки обмениваются, то очевидно, что на момент обмена в его основе лежит эквивалентность между обмениваемыми разными товарами.

Представляется, что часть ответа, как на вопрос о природе производимых стоимостей, так и на вопрос об эквивалентности обмена лежит в размышлениях Уильяма Петти о ренте, получаемой земледельцем при производстве земледельческого продукта [9].

Петти пишет: «Допустим, что кто-нибудь может собственными руками возделывать, окопать, вспахать, взборонить, засеять, сжать определен-

ную поверхность земли и, как этого требует земледелие, свезти, вымолотить, вывезть хлеб, на ней выросший, и допустим, что он располагает достаточным запасом семян, чтобы засеять поле. Если он из жатвы вычтет зерно, употребленное им для обсеменения, а равно и все то, что он потребил и отдал другим в обмен на платье и для удовлетворения своих естественных и других потребностей, то остаток хлеба составляет естественную и истинную земельную ренту этого года; и среднее из семи лет или, вернее, из того ряда лет, в течение которого недороды чередуются с урожаем, даст в виде зернового хлеба обычную ренту» [9, С. 16].

Из этого вполне понятного умозаключения Петти следует, под рентой, получаемой в земледелии, основоположник классической политической экономии понимал в натуральном исчислении разницу между урожаем данного года и издержками, которые уходили у земледельца на выращивание, включая содержание семьи, уборку и поставку на рынок зерна.

Естественно, что остаток урожая земледелец мог превратить на рынке в монеты. И это денежное выражение ренты земледелец мог направить как на расширенное производство сельхозпродукции, так и на потребление им самим. Стало быть, в понимании Петти, рента – это не плата землевладельцу. Рента земледельческая – это прибавочная стоимость над той частью произведенной земледельцем стоимости, которая опосредованно через рынок или прямо в рамках хозяйства потреблялась самим земледельцем. И в таком представлении Петти рента, как чистый продукт у физиократов, составляла «естественную и истинную земельную ренту этого года». Но поскольку в течение нескольких лет урожайность варьировалась по величине, постольку средняя за период нескольких лет рента называлась во времена Петти «обычной рентой». Эта обычная рента могла быть выше ренты в малоурожайный год, и могла уступать ренте в год обильного урожая. При этом вполне ясно, что издержки земледельца на протяжении ряда лет фактически не менялись.

Таким образом, даже на одном и том же участке земли в натуральном исчислении, рента могла быть как выше, так и ниже некоей обычной ренты. И такое понимание ренты вполне отвечает определению ренты конца 19 века: «Рента – так называется, вообще, тот вид народного дохода, который получается в силу каких-либо особенных преимуществ или благоприятных условий. Подобными

преимуществами могут быть для земледельца – плодородие почвы или выгодные условия местоположения, для промышленника – обладание секретом производства или привилегией, для лица какой-нибудь либеральной профессии – талант или выходящее за пределы среднего уровня искусство и т. п. таким образом рента, в широком смысле слова, есть доход, обусловливаемый разницей между продуктом или ценностью, получаемыми при данных более выгодных и менее выгодных, несмотря на одинаковое количество затраченного труда и капитала» [10].

Однако вполне ясно, что из этого определения вовсе не следует экономическая природа эквивалента ренты. Из него лишь следует факт возможного обмена на рынке ренты одного вида деятельности на ренту другого вида деятельности.

Применительно к обмениваемым на рынке продуктам земледелия на другие продукты сельского хозяйства, можно утверждать, что именно на рынке устанавливались меновые отношения между натуральными единицами урожая зерна и натуральными единицами фруктов, овощей, масла, шерсти, пряностей и прочей многочисленной для сельского хозяйства номенклатуры продукции. И для такого, несколько суженного рынка (на нем отсутствуют промышленные товары) единая мера обмена может быть выражена в так называемых условных зерновых единицах, к которым сводятся любые выращиваемые в сельском хозяйстве культуры. В этом случае, можно полагать, что норма прибыли для производителей разных сельскохозяйственных товаров будет вполне соизмерима без всякой зависимости от других отраслей производства. При этом, учитывая непостоянство урожайности, отмечаемую в течение тысяч лет в трудах историков, можно полагать, что в урожайный год часть произведенной продукции может быть невостребованной. Величина этой части из-за недорода подобной продукции у других производителей, как правило, достаточно мала. Поэтому на рынке производитель зерна с большей урожайностью получит большую прибыль, чем производитель зерна с меньшей урожайностью.

Учет отмеченной Петти и Марксом особенности участия производительности земли в производстве зерна позволил выявить природу производимых стоимостей. Применительно к земледелию, урожай любых культур в условных зерновых единицах определяется как

$$Y = C_A = y_{\text{тек}} \cdot S = k \cdot \Phi_T \cdot \Phi_{\Pi} \cdot \dots \cdot \Phi_n \quad (1)$$

где C_A – стоимость аграрная, $y_{\text{тек}}$ – текущая урожайность, S – площадь, k – коэффициент соответствия, Φ_T – фактор труда, Φ_{Π} – фактор средства производства, Φ_n – иные факторы.

В рассматриваемом случае под фактором понимается отношение текущего значения к максимально полезному значению параметра, от которого зависит производство стоимости (фактор – величина безразмерная) [11, 12]. Стало быть, сколько стоимости может быть произведено (больше или меньше) – это зависит от состояния факторов [13]. Главнейшим из них является фактор почвенного плодородия, как главного средства производства. Его состояние определяется величиной вовлекаемого в круговорот в сельском хозяйстве органического вещества урожая. Из чего следует – вывоз зерна наносит ущерб экономике.

Известно, что в промышленности на восстановление и обновление средств производства предусматриваются амортизационные отчисления. В аграрном же производстве вплоть до настоящего времени из-за ошибочного отнесения «земли» к основным средствам вместо плодородия, происходило неконтролируемое уменьшение естественного плодородия и росли издержки на выращивание урожая. Выявление **почвенного плодородия** как основного средства аграрного производства с естественным механизмом его воспроизводства и открытие закона круговорота органического вещества позволяет перевести сельское хозяйство из дотационной отрасли в разряд наиболее прибыльных отраслей народного хозяйства.

Таким образом, в создании стоимости равное участие принимают как труд владельцев рабочей силы, так и средства производства, создаваемые творческим гением ученых, изобретателей, конструкторов при участии рабочих и предпринимателей.

Выводы:

1. Рента земельная и рента, как платеж собственнику земли – разные по их сущности категории. Прибыль арендатора определяется реализуемой им земельной рентой.
2. Рента, как платеж собственнику земли, производилась арендатором из прибыли.
3. До зарождения капитализма население стран было настолько мало, что производство пищи велось всегда на новом или «отдохнувшем» участке земли. Поэтому, создаваемой аграрной стоимости всегда хватало на всех граждан. Обра-

зующаяся рента, как превышение стоимости над затратами, лишь после перехода к капитализму была превращена в источник дохода землевладельца, т.е. как бы распалась на доход земледельца и платеж.

4. В любой сфере производства количество **стоимости** определяется произведением факторов производства, включая фактор труда и фактор средств производства. Каждый из факторов определяется отношением его текущего значения к максимально возможной его величине. Поскольку в земледелии фактор плодородия всегда уменьшался вследствие невозврата органического вещества урожая и отрицательного влияния минеральных удобрений на плодородие (отсюда Убывающий Почвенного Плодородия Закон УППЗ), постольку земельная рента всегда снижалась, что привело к росту дотаций и при капитализме.

5. УППЗ не есть закон, а есть следствие, усугубляемое нарушением в агроценозе закона круговорота органического вещества и агрохимией. Продовольственная проблема может быть решена технологическим реформированием агроценоза и отказом от минеральных удобрений.

6. Поскольку стоимость определяется произведением факторов труда и средств производства, постольку присвоение собственником средств производства всей прибавочной стоимости является источником социальной напряженности, так как нарушает вытекающие из процесса создания благ права владельцев рабочей силы, создателей новшеств и работников сферы образования и препятствует развитию государства. Такое присвоение порождает классы безработных и обслуги, на непроизводительную деятельность которой капиталисты тратят не заработанные ими средства, что тормозит развитие общества, обуславливает протест производительных сил и катаклизмы по переходу к новым производственным отношениям.

7. Частная собственность на землю является экономическим нонсенсом, приводящим к созданию иждивенческого института, препятствующего развитию экономики. Вместе с частной собственностью на средства производства она тормозит развитие производительных сил и приводит к растрате времени, отпущенного человечеству для решения за-

дачи по воспроизводству жизни во вселенной на отрезке времени, имя которому бесконечность [7].

Список литературы

1. *Николайчук О. А.* Современные аграрные отношения и проблема земельной ренты: Диссертация на соискание ученой степени д-ра экон. наук. Санкт-Петербург, 2003. – 300 с.
2. *Мещеров В. А.* Современные рентные отношения: теория, методология и практика хозяйствования. Экономические науки. 2006. 131 с.
3. *Николайчук О. А.* Земельная рента – реальная или ложная социальная стоимость // «Финансовый журнал». – 2011. – № 2(8). С. 31 – 42.
4. *Чернышова Ю. В.* Историко-экономические аспекты теории земельной ренты // Известия Оренбургского Государственного Аграрного. – 2012. – Том 4. – № 36-1. – С. 197–199.
5. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. Том 26, часть I. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. – 476 с.
6. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. Том 26, часть II. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. – 703 с.
7. *Тарханов О. В.* Теоретическая экономия. Тупик классового подхода. – М.: Экономика, 2003.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.,* Избранные сочинения, Т. 9, ч. II, 1987 г. 506 с.
9. *Петти У.* Трактат о налогах и сборах (англ. *Treatise of Taxes & Contributions*, 1662). – М.: Ось-89, 1997.
10. Энциклопедический Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – С.-Петербург, 1890–1907.
11. *Тарханов О. В.* Аналитическая оценка ожидаемого урожая // Избранные лекции X Всероссийской школы «Экология и почвы». – Пущино, 2001. – С. 330–336.
12. *Тарханов О. В.* Теория стоимости: проблемы, решения // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2016. – № 1(13). – С. 87 – 93.
13. *Тарханов О. В.* Проблемы производства, обмена и распределения благ: экономический, экологический аспекты и безопасность // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2015. – № 4(12). С. 93 – 103.